

Алена Яворская

«Зеленая лампа» в консерватории

«Зеленая лампа»... В советские годы любой школьник знал, что это название петербургского литературного общества двадцатых годов девятнадцатого века, членом которого был великий поэт Александр Сергеевич Пушкин.

Начиная с 1984 года любому школьнику, попавшему в Одесский литературный музей, объясняли, что так назывался литературный кружок времен гражданской войны века двадцатого, и входили в него известные писатели и поэты Валентин Катаев, Юрий Олеша, Эдуард Багрицкий.

Трудно сказать, разгаданы ли все тайны петербургской «Зеленой лампы», но история одесской, вроде бы исследованная и московскими, и одесскими филологами и краеведами, остается загадочной.

Неяркий свет из-под зеленого абажура освещает не все детали, многое теряется в темных углах.

Почему «Зеленая лампа»? Два ответа. Возвышенный – «Конечно, в честь пушкинской», и приземленный: «Перед первым собранием в консерватории поставили на стол лампу с распространенным тогда абажуром зеленого стекла. Потом мы ее разбили и даже платили кому-то. Отсюда и пошла «Зеленая лампа». А про Пушкина уже потом придумали литературоведы»¹. Учитывая, что вторая версия принадлежит Валентину Катаеву, которого практически все мемуаристы называют организатором кружка, в нее как-то больше верится.

Когда возникла? Программка с сообщением о первом интимном вечере датирована 1 (14) февраля 1918. В первый день февраля (по старому стилю) 1918 года одесская пресса писала: «Первый ин-

тимный вечер музыки, поэзии, пластики с участием одесских поэтов. Между вторым и третьим отделениям будет конкурс стихов для публики»². Выступали: Б. Бобович, А. Гамма, И. Мунц, З. Шишова, В. Катаев, Ю. Олеша. Конферансье – Петр Ершов. «Сосредоточенный пасьянс молодых надежд и упований – в зеленом кругу интимной лампы. Кто из них избран, кто обречен? Как сложатся карты их поэтической судьбы? Трудно предсказать»³. «Из семи поэтов, читавших свои произведения, ни об одном по совести нельзя сказать, что на произведениях его не лежит печать одаренности. <...> Но более сильное впечатление на нас произвели г. Юрий Олеша, г. Иван Мунц и г-жа Зинаида Шишова. <...> А талант г-жи Зинаиды Шишовой грациозен, мил и женственен и отражает даже самые последние события вплоть до обысков и налетов»⁴, – вторит другой рецензент.

Почему «Зеленая лампа» существовала параллельно еще с двумя объединениями – «Бронзовым гонгом» и «Студенческим литературно-художественным кружком» – и на 98% состояла из членов последнего? Очень просто. Студенческий кружок возник раньше, а потом вернувшийся с фронта В. Катаев решил немного заработать на поэзии. Георгий Долинов, вспоминая о постановке пьесы Ю. Олеси «Маленькое сердце», писал: «Пьеса была поставлена и разыграна силами того же студенческого литературного кружка и частично членами организованного тогда же Валентином Катаевым на коммерческих началах кружка «Зеленая лампа»⁵. В другом тексте он уточняет: «После студенческого кружка была организована по инициативе Валентина Катаева «Зеленая лампа», проводившая свои публичные вечера в консерватории. <...> Беспристрастно говоря, Катаев в свою «Зеленую лампу» отобрал действительно лучшие силы, и поэтому «Бронзовый гонг» вскоре скончался с печальной славой побежденного конкурента»⁶.

Судя по всему, вначале все же поэты «Зеленой лампы» встречались узким кругом, и только потом вышли на сцену. Борис Бобович: «Два слова о Зеленой лампе, душой которой были Багрицкий, Олеша, Катаев, Шишова, Адалис. Собирались мы обычно в квартире «бразильского консула» Мунца, сын которого также был членом Зеленой лампы и писал застенчивые новеллы»⁷.

Почему выступали в консерватории, почему именно по улице Новосельского вечерами, в не такое уж и спокойное время спе-

шили на «интимные вечера» молодые поэты и их восторженные слушатели? Скорее всего, благодаря братьям Долиновым, серьезно занимавшимся музыкой. Так, Георгий был известен не только как композитор и пианист, но и автор ряда публикаций по теории музыки, а Вадим сочинял музыку для чтения стихов (столь модное в те годы искусство мелодекламации). К тому же, концерты «Зеленой лампы» не ограничивались выступлениями поэтов. Г. Долинов: «Интимные вечера «Зеленой лампы» устраивались по самой разной программе, т. е. литературно-музыкально-вокально-танцевальной. Причем литературной части уделялось большое самостоятельное отделение, в котором авторы читали свои произведения, интимно сидя у стола и по углам стены. Справа стояла кафедра для лектора, конференсье, которым был Петр Ершов, дававший краткие характеристики творчества каждого из выступающих. Вечера «Зеленой лампы» пользовались успехом у публики и у критики, и посещаемость их была весьма внушительной. Разнообразные программы отчасти лишали эти вечера стильности и сугубо литературной окраски, все же придавали им привлекательный развлеченческий оттенок. И нельзя было установить, что больше прельщало публику – общение ли с литераторами, пестрота ли остальной программы, или то и другое».⁸ Сам конференсье Ершов описывал заседания так: «В зале Консерватории на протяжении всего смутного одесского 1918-го года (фантастическая смена «властей», неразбериха) «Зеленая лампа» стала устраивать открытые платные вечера под несуразным названием – «поззо-концерты». Удивительно, но – в небезопасные на улицах вечерние часы – концерты собирали изрядное количество публики, и не только молодой. На сцене устраивалась уютная комната. В центре на столе – горящая лампа под зеленым абажуром».⁹

Кто же был членом этого кружка? Попробуем довериться мемуаристам. Состав «Зеленой лампы» в их воспоминаниях слегка отличается от заявленного в программах.

Петр Ершов: «За столом в непринужденных позах – поэты: Георгий Долинов, он же прекрасный пианист, Зинаида Шишова, Аделина Адалис (внешне – экзотика, египетский профиль, длинные острые ногти цвета черной крови), Бор. Бобович, Юрий Оле-

ша, Л. Файнберг, Эмилия Немировская, Валентин Катаев, изредка Эдуард Багрицкий и, само собой разумеется, «др.».¹⁰

По воспоминаниям Г. Долинова, «В «Зеленую лампу» Катаева входили: Астахов, Бобович, Багрицкий, Дитрихштейн, Гамма, Долинов, Мунц, Катаев, Кесельман, Олеша, Шишова, т. е. группа поэтов из студенческого кружка и группа работавших в Одессе еще раньше».¹¹

Самый большой перечень у Сергея Бондарина, который членом «Зеленой лампы» не был и, в лучшем случае, посещал вечера. С большинством членов «Зеленой лампы» он стал общаться через два года, в 1920-м, но его роль негласного архивариуса юго-западной школы заставляет внимательно рассмотреть список, составленный в 1964 году, тем более что он существует в двух вариантах. Согласно второму, дополненному, в «Зеленую лампу» входили: «Валентин Катаев, Юрий Олеша, Адалис, Атис (Серг. Гольденфельд), Биск, Владимиров Эмиль, Гитерман Михаил, Долинов Георгий, Долинов Вадим, Бобович Борис, Бобович Исидор, Соколовский, Эд. Багрицкий, Анатолий Фиолетов, Бабаджан, Лопатто, Ставропуло, Шишова, Соколова Соня, временно: Ал. Толстой, Н. Крандиевская, Леонид Гроссман, Ив. Бунин, Макс. Волошин».¹² В списке этом достаточно неточностей. Так, Михаил Гитерман был членом «Бронзового гонга» и ни в программках, ни в статьях в связи с «Зеленой лампой» не упоминался. Не замечены на вечерах Анатолий Фиолетов, Михаил Лопатто и Перикл Ставропуло (Ставров). Александр Соколовский на вечерах, несмотря на дружбу с Багрицким, тоже не выступал. Эмиль Владимиров упоминается лишь однажды, в связи с организацией гастролей в Балте. В перечне «старших», выступавших вместе с «Зеленой лампой» – А. Толстого, Н. Крандиевской, М. Волошина, – забыт Михаил Цетлин (Амари). Возможно, потому что был достаточно известной фигурой в эмиграции. С Иваном Буниным и Леонидом Гроссманом молодые поэты, скорее всего, встречались в Литературно-артистическом клубе, где и сами выступали. «Мы особенно чутко относились к молодым... Из нашего кружка (имеется в виду «Среды» Литературно-артистического клуба. – А. Я.) вышли на широкую литературную улицу Эдуард Багрицкий, Юрий Олеша, Валентин Катаев, Адалис, Анатолий Фиолетов, который умер совсем молодым. Мы работали с ними, выслушивали их первые вещи...»¹³ – писал Александр Биск.

Согласно сохранившимся программкам и рецензиям, на вечерах «Зеленой лампы» выступали Л. Астахов, В. Бабаджан, Э. Багрицкий, Б. и И. Бобовичи, А. Гамма, В. фон-Дидрихштейн, В. и Г. Долиновы, В. Катаев, С. Кесельман, Л. Нежданов, Э. Немировская, Ив. Мунц, С. Соколова, М. Шапиро, З. Шишова.

Семнадцатого марта прошел второй вечер. Вот что предлагалось зрителям:

«Второй Интимный вечер «Зеленой лампы». В воскресенье, 17 марта 1918 г., при участии арт. Гор. театра г. Горчакова.

1. Игорь Северянин, лекция Георгия Долинова, при участии артистки Р. Заречной. Аранжировки. Долинова: Шопен – Северянин, Чайковский – Северянин.

2. Ритмическая мелодекламация. Слова Северянина, муз. Эм. Соминского, исп. Вадим Долинов, у рояля автор. Романсы Рахманинова исполняет Л. Скрынникова. Пластические импровизации. «Осенняя песнь» Чайковского исп. Т. Летягина. Мелодекламация – исп. В. Долинов. «Белое боа», рассказ. Тэффи – исп. М. Шапиро. Романсы Глиера – исп. Кс. Ширяева. Рояль и скрипка – г-жа Ройзман и г. Ройзман. Собственные фортепианные произведения исп. композиторы И.Л. Розенцвейг и Г. Долинов. Романсы – исп. арт. Городск. театра г. Горчаков. Комическая полька – исп. М. Баржан и С. Соколова. Conferencier Бор. Бобович.

3. «При свете Зеленой лампы» новые стихи прочтут поэты Леонид Астахов, Эдуард Багрицкий, Бор. Бобович, Вл. фон-Дидрихштейн, Семен Кесельман.

Conferencier Валентин Катаев. (Любопытно, что все эти фамилии набраны крупным шрифтом, а следующие, исключая конференсье, мелким. – **А. Я.**)

Анат. Гамма, Георгий Долинов, Ив. Мунц, Юрий Олеша, Зинаида Шишова

Conferencier Петр Ершов.

4. «Ералаш Зеленой лампы» «Полторы минуты ужаса», драматический этюд в 1 д. в стихах, сюжет заимствован Вал. К. Заняты М. Шапиро, Г. Долинов, Б. Бобович.

Инсцениров. рассказ. Тэффи «По дружбе» заняты: София Соколова, Петр Ершов. «Пьеро, Пьеретта и Арлекин», оживленная гравюра Бор. Бобовича, заняты: София Соколова, М. Шапиро, Вадим Долинов и автор.

Песенка Зеленой лампы

Conferecier Вал. Катаев

5. «Бал Зеленой лампы» – танцы под рояль до утра, дирижер танцев Ив. Мунц

Начало в 5 часов

Анонс: Готовится Третий интимный вечер с лекцией о Чайковском и Четвертый интимный вечер постановка пьесы Юр. Олеси «Маленькое сердце» в сукнах».

Билеты желающие могли приобрести как в магазине «Одесских новостей» на Дерибасовской, так и в консерватории у швейцара. «Одесские новости» отмечают особо из выступавших в зале консерватории Шишову: «Хрупкие строфы Зинаиды Шишовой нежны и женственны. Приятны ее реминисценции из дней золотого, вероятно, недавнего детства – «Карта Атлантики».¹⁴

Апрель 1918-го для «Зеленой лампы» ознаменовался двумя событиями: была поставлена пьеса Юрия Олеси «Маленькое сердце» и вышла газета «Яблочко» – результат тесного общения молодых поэтов и художников. Как говорилось в заглавии, это был «Юмористический бюллетень, издаваемый корпорацией студентов, руководимых лозунгом: «Живи пока живется! Смотри на все юмористично и презирай бездарь! В журнале принимают участие поэты и беллетристы: С. Фазини, С. Олесевич, Продаевич и др. Художники Эд. Багрицкий, Бор. Бобович, Юрий Олеша, Анат. Фиолетов, Леонид Тредьяков, Зинаида Шишова и др. Листок выходит еженедельно».¹⁵

Публика недоумевала, кто же пишет статьи и стихи: «поэт» Фазини или «художник» Фиолетов? Недоумение усиливалось, когда в первом же номере читатель с изумлением читал стихи художника Фазини. Возможно, обещанный (да и опубликованный в следующем номере) роман «Всегда снаружи» «известного беллетриста Сигизмунда Олесевича», приятеля Фазини, действительно будет сопровождаться «иллюстрациями маститых художников Анатолия Фиолетова и Ставропуло»?

О том, что «Яблочко» – дитя «Зеленой лампы», свидетельствует реклама на первой странице первого номера: «Вы еще не посетили «Зеленой лампы»? Ах, ведь это непростительно! Отчего продовольственный кризис? Отчего жутко на душе? Отчего вам

жена изменила? Все оттого, что вы так долго собираетесь на вечер «Зеленой лампы». Там Вал. Катаев, там пылкий Юрий Олеша, там влюбленный в Блока Бор. Бобович, там кокетливая Зинаида Шишова, там огненный и свирепый Э. Багрицкий. Идите и да будет мир над вами...».¹⁶

Третий интимный вечер состоялся 14 (1) апреля. На этот раз в программке, значительно более скромной по оформлению, указано «Зал консерватории, Новосельского, 63. С участием артистки Драматического театра Н.М. Ермаковой и артиста Городского театра г-на Горчакова». В программе «1. Доклад Г. Долинова «Мирра Лохвицкая». 2. «Поэт снежного очарования» – слово об Александре Блоке скажет Бор. Бобович, стихи Блока прочтет артистка г-жа Ермакова. 3. Музыка-пластика-мелодекламация, участвуют г-жа Ермакова... София Соколова... г-да Горчаков... Гордеев (цикл собственных стихов), Вадим Долинов, Георгий Долинов (композитор), Федор Рабинович, И.Л. Розенцвейг».

В четвертом отделении «При свете «Зеленой лампы» «читает стихи почти та же компания, кроме Астахова и Кесельмана», который на вечерах больше не выступал. Но зато появляется Александр Биск. Начинается вечер позже, в 7 часов. И опять анонсируется пьеса Олеша.

«Зеленая лампа» Одессой ограничиваться не собирается. И пусть «Студенческий кружок» издал свой альманах, «Первый альманах студенческого литературно-художественного кружка», зато у них будут гастролы! «На второй день Пасхи в Балте по инициативе Л. Нежданова состоялся первый поэзо-концерт с участием артиста Од[есского] Гор[одского] театра г-на И.Л. Вергини, свободного художника М.Л. Казневского и одесских поэтов клубов «Бронзовый гонг» и «Зеленая лампа». Поэзо-концерт вызвал в спящем городке большой интерес».¹⁷

«Большой успех, большой интерес и шумные аплодисменты» вскружили головы. 20 мая в журнале «Южный огонек» появляется объявление: «Антрепризой г-на Владимирского и Л. Нежданова организовано поэзо-концертное турне по Югу России. В состав ансамбля вошли артисты Городского театра г-н Горчаков и Де-Нери, m-lle Д. Лившиц и поэты одесского литературного кружка «Зеленая лампа» Г. Долинов и Юрий Олеша (сотрудники нашего

журнала), затем m-ле Эмилия Немировская и Леонид Нежданов. Конферансье – сотрудник нашего журнала Петр Ершов. <...> Маршрут турне: Елисаветград, Екатеринослав, Кременчуг, Киев, Харьков и др.»¹⁸

В сохранившейся у Г. Долинова программке за 24 мая указано: «второй и последний поэзо-концерт». Приводятся данные об артистах. Фернандо Де-Нери, оказывается, был тенором театра «Ла Скала», Николай Горчаков – баритон, Д. Лившиц – лауреатка Одесской консерватории. Кроме музыки: доклад Ершова «Рыцарь английского слова» о Джером Джероме и «Зеленая лампа» в указанном выше составе. Обещан турнир поэтов (дуэль на эпиграммах), пародии, экспромты, почтовый ящик поэтов (ответы в стихах-экспромтах на письма публики). Именно второй концерт критика признала «особенно удачным». Но все же громко заявленный маршрут не был осуществлен. Оба концерта состоялись в Елисаветграде, в зимнем театре Элкинда.

После возвращения отмечали, что «Поэзо-концерты прошли с большим художественным и материальным успехом. Особенно горячий прием оказали одесситам в Елисаветграде. В ближайшем будущем состоится новое турне в Киев, Харьков и др. гор. Вместо заболевшего Петра Ершова едет поэт Вал. Катаев»¹⁹.

Вдохновленные успехом поэзо-турне, «зеленоламповцы» даже собирались открыть театр. Театральный журнал «Фигаро» (благоволивший «Зеленой лампе», часть поэтов даже входили в состав редакции) сообщает в июне: «Литературным клубом «Зеленая лампа» в августе открывается оригинальный театр, посвященный творчеству Пушкина, Метерлинка, По, Блока и др. символистов. В театре «Зеленой лампы» будут также ставиться пьесы молодых авторов. Приглашен видный режиссер и артисты. Финансирует «Зеленую лампу» меценат К.»²⁰.

Четвертого июля (соотношение старого и нового стиля не указано в программке) состоялся уже не интимный вечер, а «поэзо-концерт» с участием де-Нери. «Зеленая лампа» представлена более полным составом – Багрицкий, Гамма, Долинов, Катаев, Нежданов, Олеша, Шишова. Запланирован и турнир поэтов (пародии, экспромты, эпиграммы). Конферансье – Катаев. Этот вечер окончился скандалом.

«4-го июля в клубе «Культура» должен был состояться поэзо-концерт при участии главным образом поэтов «Зеленой лампы» по инициативе клубной администрации.

Однако, по словам «Одесской мысли», неожиданно вечер закончился таким странным скандалом, что, без вины поэтов, главными участниками концерта явились многочисленные лица из публики, а концертанты обратились в безмолвных и удивленных зрителей и слушателей.

Публика «интеллигенция» клуба «Культура» вдруг резко проявила склонность к занятию более реальному, чем слушание эфемерных стихов, – затосковали о «лото». Заявления о желании немедленно играть слились в шум в лотошном зале, соседнем с зрительным, и под этот шум поэты выступали крайне взволнованными. Меркантильные стремления публики заставили ее забыть об элементарном приличии. Целая толпа зрителей поднялась вдруг, и осыпая бедных поэтов незаслуженными упреками в неуважении к интересам публики(?), устремилась в лотошный зал. Один миг – и «интеллигенция» за столами. Мелькают карточки лото, сверкают глаза, – занятие, видимо, «деловое», приятное и полезное. Поэтому осталось только уйти. Вряд ли после произошедшего кому-либо можно рекомендовать выступать в качестве жрецов искусства в приюте азарта».²¹

«В летние месяцы встречи поэтов проходили зачастую в квартире певицы Софьи Соколовой, выступавшей в «Зеленой лампе» с исполнением жанровых французских песенок. В этом гостеприимном доме, расположенном в живописнейшем Обсерваторном переулке, недалеко от моря, собирались по вечерам поэты, усаживались на полу стеклянной террасы, в углу которой в зелени оранжерейных растений стоял мрачный и загадочный водолазный костюм-скафандр, и начинали читать. Здесь Багрицкий упоительно читал стихи любимых поэтов, а чаще всего свои «О Персии» или своего излюбленного Дидедея...»²² – вспоминал Г. Долинов.

Как ни странно, при дружбе с возглавлявшим издательство «Омфалос» Вениамином Бабаджаном, книги свои поэты не издавали. За одним исключением – вскоре после убийства Анатолия Фиолетова вышла книга стихов З. Шишовой «Пенаты». Сама

она писала позднее: «В «Омфалосе» в 1919 году вышла книжечка моих стихов «Пенаты». Стихи плохие, и я бы не поддавалась уговорам Олеси и Бабаджана, и сама бы их в печать не отдала. Но после смерти моего мужа Фиолетова я очень болела, и все это было сделано без моего согласия»²³.

Кроме серьезных рецензий сохранилась и язвительная, в сатирической газете «Перо в спину»: «Общество «Зеленой бутылки», известное под именем «Зеленой лампы», считаясь с продовольственным кризисом, решило заменить спирт керосином. Одним из последствий вышеозначенной меры явился выход книги поэтессы Шишовой. Книга эта, по отзывам компетентных лиц, является великолепным горючим материалом. В связи с этим дрова сильно упали в цене. Впрочем, не думаем, чтобы издатели нагрели на этом деле хотя бы руки»²⁴.

Двадцать третьего марта 1919 года «Зеленая лампа» устраивает в Камерном театре «камерное чтение поэтов». Среди выступающих: Багрицкий, Бабаджан, фон-Дитрихштейн, Катаев, Шишова, Олеша и приезжие знаменитости – Амари, М. Волошин, А. Толстой, Н. Крандиевская. Критика была строга. «Вчера кружок местных поэтов «Зеленая лампа» устроил камерное чтение поэтических опытов. Из наших одесских поэтов мало кому следовало бы выступать со своими стихами перед широкой публикой»²⁵, – писал журналист газеты «Вечерний час». Впрочем, он же отметил: «Хорошо владеют стихом Юр. Олеша, В. Бабаджан и В. Дитрихштейн».

Отношение к «Зеленой лампе» было неоднозначным. То же «Перо в спину» с завидной регулярностью помещало тексты примерно такого содержания: «Календарь писателя. А.М. Федоров будет принят в число молодых поэтов «Зеленой лампы» – при условии усиленной работы над собой и упорного чтения стихов Бабаджана и Катаева. Академик Бунин завидует! <...> Известный поэт В-р Дитрихштейн закончил новую 11-ю кавалерийскую книгу стихов под названием «Стихи с войны» или «Почему нас побили немцы». В стихах маститого гвардии поручика явно чувствуется экзотика и стихийность. Максимилиан Волошин, на днях избранный в «Зеленую лампу», опасно заболел меланхолией. Эх, Макс, Макс. Нам передают, что местный поэт – при-

сяжный поверенный Ставропуло, уступая настойчивым предложениям греческого командования, решил компенсировать себя чтением «защитных» стихотворений в зале одесского окружного суда. Ряд подсудимых был вынесен из зала в истерику, чего нельзя сказать об оправдательных приговорах»²⁶. В своих воспоминаниях Эммануил Соминский писал, что Б. Флит (редактор «Пера в спину») «неохотно пускал в печать молодых, тогда еще неизвестных авторов», и чуть ли не объявляет это косвенной причиной возникновения «Зеленой лампы». «Им пришлось самим заявлять о своем существовании. Объединившись в кружок «Зеленая лампа», молодые поэты выступали в кафе Либмана, в университетской аудитории юридического факультета».²⁷ В 1960-е годы Соминский уже не делал различия между Студенческим кружком и «Зеленой лампой». Но сроки их существования разнятся. Примерно в марте 1919 «Перо в спину» помещает нечто вроде некролога: «Хроническое. Зелень. «Зеленая лампа» тихо скончалась»²⁸. Как ни забавно, но после этого никаких печатных следов деятельности кружка не обнаружено. В апреле 1919 пришли большевики, и о литературных вечерах пришлось на время забыть. А осенью, когда возродился Студенческий литературно-художественный кружок, организатор «Зеленой лампы» Катаев уже воевал на бронепоезде «Новороссия» (в белой армии). Второй раз «Зеленая лампа» не зажглась. Впрочем, в повести Георгия Шенгели «Черный фургон» есть эпизод, описывающий первую встречу его с одесскими поэтами в октябре 1919 года: «Красовский (Соколовский. – А. Я.) приглашает меня в будущую среду на собрание «Зеленой лампы», где Юрий Ардаши [Олеша] будет читать «знаменитую поэму» «Онегин в 1918 году»²⁹. Что это? Ошибка, желание заменить длинное название «Студенческий литературно-художественный кружок» более звучным, привычным оговоркой завсегда? – остается неизвестным.

В программах «Зеленой лампы», в отличие от «Студенческого литературно-художественного кружка», не указывались названия произведений. Мы не можем точно знать, что именно читали поэты на интимных вечерах. Но ведь они еще и печатались. И на страницах одесских журналов можно найти имена многих членов «Зеленой лампы».

Валентин Катаев

* * *

Средина августа. Темно и знойно в доме.
На винограднике сторожевой курень.
Там хорошо. На высохшей соломе
Я в нем готов валяться целый день.

Лежу и слушаю. Шум моря ясно слышен.
Как из норы мечтательно гляжу
На хуторок в тени сквозистых вишен,
На жнивье, на далекую между.

Я опьянен душистым виноградом,
Я морем ласковым, я солнцем опьянен.
И спит душа, и сердце жизни радо,
И клонит зной в тяжелый, сладкий сон.

Склоняю голову. Вокруг лепечут листья,
Сердито щелкает вдали пастуший кнут,
И золотисто-розовые кисти
Дрожат от тяжести и жадно солнце пьют.

«Жизнь» № 19, октябрь

Юрий Олеша

Вступление к поэме «Пушкин»

Сказать не можем: был или не был,
Был мудр, смеялся иль грустил –
Но только видим: выше небо
Да зеленее мох могил,
И знаки темные понятней
На предначертанных годах,

И весны в розовых садах
Благоухают благодатней.

Светло быть мудрым и простым
И хорошо не верить книгам –
Его не знали. Вечность мигом
Хотели мерить. Сны – земным.
И не заметили: передний
Услышал крылья в облаках.

Был день чудесный, день последний,
неповторяемый в веках.

Одесса, июнь 1918

«Фигаро» № 7, 20 (7) июля 1918

Эдуард Багрицкий

* * *

Ал. Соколовскому

Февральский волчий день торжественен и тих,
И сосны смольные застыли строгим строем;
Блаженные скиты в лесах заповедных
Твоим, о Господи, спасаются покоем!
И к Богородице суровой и простой,
Чтоб сладкий дар возжечь страстей и упований,
В путь, озаряемый раскольничьей свечой,
Ползут крестьянские раскрашенные сани.
О люди грешные! На сладостном огне
Крохою ладана ваш скорбный дух сгорает,
Над вами Иисус божественно сияет
Лучистым голубем в лазурной вышине.

«Южный огонек» № 12, 1918.

Аделина Адалис

Из цикла «Афродита–Адаллис»

Короткое письмо зарёю раб принес,
И дали позади несмело улыбались...
«Привет любви твоей, веселая Адаллис!
Уже грядущий день алеет в росах роз».
Сад светом налился... Я пела и пряла,
Тревожно помнила о зорях и о дали,
О том, что ты живешь, о том, что ты смугла...
На солнечной траве кружочки тени спали.
Янтарный свет уплыл; тогда мой раб отнес
Письмо короткое в даль тающего луга –
«Привет любви твоей, печальная подруга!
Еще ушедший день алеет в розах рос».

А–с.

«Южный огонек» № 12, 1918

Фавн

Спрятавшись вдвоем,
Милый, незаметно
Сад, твой сад заветный
Вместе обойдем.

Медленно пойдем.
В рощице запретной
Скрытый неприметно
Темный водоем.

Цепью зазвения,
Нам навстречу встанет
Фавн твой злой – и глянет

Жадно на меня.
Ах, как сладко станет
Ускользнуть, дразня.

Вероника Айя (Аделина Адалис)

«Жизнь» № 3, июнь

Вениамин Бабаджан

Трубка

О долгий путь! В усталой позе
Сидишь и куришь натошак.
Как ароматен на морозе
Медовый английский табак!

Голубизна дымка и снега
И пасмурная эта даль –
Такой покой, такая нега,
Такая долгая печаль...

Дорога круто убегает
За побелевшие холмы,
Голодный конь едва ступает, –
Устали мы, иззябли мы...

Седло, в какой ни мерзнуть позе –
И бьет и давит – все не так.
И только тешит на морозе
Медовый английский табак.

13 дек. 917. Дойна

Клементий Бутковский (Вениамин Бабаджан) /
Омфалитический Олимп, Од., 1918

Крест

В революционном жалком торге,
Меж политических забав
Один лишь ты, святой Георгий,
Остался ясен, чист и прав.
Войной замученные люди
(Где счет страданий и потерь?)
Свои простреленные груди
Тобой украсили теперь.
Теперь лишь ты – одна твердыня,
России нет, она мертва!
Свобода, равенство отныне
Пустые, горькие слова...
Есть только бледный призрак славы,
Воспоминанье бранных мест –
Простой и скромно-величавый
На желтом с черным белый крест.

«Южный огонек» № 10, июль 1918

Александр Биск

* * *

И что осталось мне от встречи,
Когда прошла твоя гроза?
Как эхо – смолкнувшие речи,
Как зарево – твои глаза.

А помню молнии и громы,
И взрывы, звавшие гореть,
И чей-то голос незнакомый,
И веток спутанную сеть...

И яркий день, и вечер дикий,
И сок раздавленных гроздей,
И две махровые гвоздики
Твоих египетских грудей.

А ты что помнишь? – Мой обманный
То полувздых, то полузов,
И только, может быть, туманный
Обрывок тлеющих стихов.

«Фигаро» № 12, 24 (11) августа

Борис Бобович

Романс

Серебряная ночь! Моих томлений сага!
В лазурной мгле молчат цветы ночей,
И плещется луны серебряная влага,
И светел водоем полуночных лучей...

И там, где плющ узором бледнотканным
Обвил оград застывшую грядку,
Я жду, чтоб Вы пришли за голубым обманом
Любви моей... Я жду Вас... жду...

«Театр и кино» № 8, 25 февраля 1917

Исидор Бобович

Шахматы

Безмолвный раб чертит священный стих Корана
Зеленым острием речного тростника.
Недвижим ряд фигур. Шахматная доска.

Над выцветшим ковром струится дым кальяна.
Шафраном крашены ладони игрока,
И башен грозный строй – у вражеского стана,
И легкий бег коней в объятия тумана
Готова бросить вновь спокойная рука.
О, мудрый перс. Уж в небе серп рогатый,
Задумчиво с полей проходят табуны.
На пальмовой доске начерчены квадраты,
И кони ржут, и движутся слоны.
И близится к концу свирепая игра.
Так медленно плывут над нами вечера.

«Фигаро» № 6

Эмиль Владимиров

Девушка полей

Ты девушка полей. Ты песен знаешь много,
Простых и девственных, как белые цветы.
И в бесконечности проселочной дороги
тебе знакомо все: и почки, и кусты.

Где яркие огни манящи и фальшивы,
Из знойных городов пришел в простор полей,
Чтоб отдохнуть душой. Текут неторопливо
Здесь дни мои. И жизнь становится светлей.

Из синих васильков внимательной рукою
ты мне сплела венки. В квартире городской
Он вянет на стене, где блеклые обои
Измяты грубою небрежною рукой.

Пугливые мечты твои, как легкий шорох,
Как тихая вода – прозрачны и просты.

О девушка полей. В маячащих просторах
Тебе знакомо все: и кочки, и кусты.

«Жизнь» № 7, июль 1918

Анатолий Гамма

Carmen romae

Благословенны те, кто в Риме был рожден,
Чей посох Путь обрел в затерянной святыне!
Я вновь пою тебя, о ржавый небосклон,
где боги древние молились по-латыни.

Я здесь один брожу. Продымленный закат
Сгорает медленно, игре часов послушен,
И степи римские торжественно молчат,
И сердце позднее молитвенней и глуше.

Да глянут в душу мне глаза былых веков,
да будет небо мне волчицей благосклонной,
чтоб, вспомнив Августа, молиться на врагов
Слезами мудрыми седого Сципиона.

«Жизнь» № 7, июль 1918

По следам богов

«Здесь лирой северной пустыни оглашал».

Пушкин

Тревожны крылья дальней птицы.
Спит богомольная Земля.

Проходит август смуглолицый
И метит ржавчиной поля.

День побежден в неравной розни,
Ползущим сумраком томим...
Влеки ж меня, мой посох поздний,
Дорогой древнею на Рим!

Как сладко здесь скитальцу жизни,
Где ночь суровой и темней,
Молиться сладостной отчизне,
Благословлять следы тех дней,

Когда, от жажды пламеня,
Под скрип дряхлеющих шагов
Седой Вергилий пел Энея
В толпе кочующих богов.

«Жизнь» № 10, август 1918

Владимир фон Дитрихштейн

Веселый хмель

1

Порой беспричинно веселье!
О молодость, утро и смех,
И старое пьяное зелье –
Влюбленность в беспутство утех.

Пусть встреча минутна, случайна,
Расстаться неожиданно легко;
Но в этом волненье и тайна,
И пьяная влага клико!

2.

Милый мелькнувший обман,
Призрачный час.
Был как-то весело пьян
Вечером раз.

Глупо ревущий авто
Яростно мчал,
Все было то, да не то...
Ждать не устал...

Дымная мгла фонарей,
Лента толпы.
Женщина, греза о ней,
Сладость алчбы.

Милый мелькнувший обман,
Призрачный час.
Крепкий и терпкий дурман...
Страсти экстаз!

«Жизнь» № 2, июнь

Иматра

Над злобно ревушим потоком
Задумавшись, долго стоял.
В гранитах, в порыве жестоком,
Ломался вскипающий вал.

Как страшен чуть зримый, безликий,
Мятущийся в беге воды.
Ведь голос звериный и дикий,
И хаос безумия – ток!

«Жизнь» № 8, июль 1918

* * *

Не надо слов о скорби безысходной,
О смертных муках горестной страны.
Бессмертна слава в ликах старины,
Изящен стиль эпохи благородной!

Родимый север... нежностью холодной
Березки веют, рожицы бледны.
Там детство наше... радужные сны
Еще живут в усадьбе старомодной.

И вод белеет ветхий монастырь.
В вечернем звоне – канувшие были,
Хлебов несжатых дрогнувшая ширь...

И степь, и море грезу напоили:
Душа России – песня от земли.
Неведом путь. Сгорели корабли.

«Жизнь» № 28, декабрь 1918

Вадим Долинов

* * *

Прошла единственная, смутная, как тени.
Прильнула к сердцу нежным острием любви...
О прошлая моя, могли теперь бы вы
Моими мыслями прожить одно мгновенье?..
Не отзвучал еще аккорд последний счастья,
В нем скрытый чудится мне скорбный диссонанс,
Не разрешен во мне, не разрешенный в нас;
В романе нашем нет страниц последней части...
Как в дни сосновые, опять, как прежде, вами

Сегодня вечером я снова вдохновлен...
Я, кажется, люблю, я, кажется, влюблен,
Но вырос – говорю не прежними словами.

«Южный огонек» № 13, август 1918

Георгий Долинов

Странное

Из цикла «Паутина»

Я о любви писать сегодня не могу.
Я разлюбил вас, вы далекая чужая...
Вчера я понял, что в стихах я только лгу,
Словами нежными ваш образ окружая...

Вчера я понял: вы совсем, совсем не та,
Какой лелеял я вас в творческие ночи.
И снова в сердце зазвучала пустота,
Но только в этот раз больнее и жесточе.

И как-то странно... как-то вдруг... не уловлю:
Мелькнули дрожки и исчезли за кварталом,
А я вдруг понял: я вас больше не люблю,
И стало пусто в сердце скорбном и усталом.

Я, расставаясь, грустно руку вам пожал...
Поникнув, медленно побрел по переулку.
И почему-то мне припомнился кинжал,
Которым утром серб какой-то резал булку.

А в голове бродил навязчивый мотив
Романса «Бойся мне в любви своей признаться».

...Вдали протяжно прогудел локомотив
И где-то с башни глухо пробило 12...
...Я не могу писать сегодня о любви.

«Жизнь» № 3, июнь 1918

Семен Кесельман

Крестоносцы

(Отрывок)

Когда мятежный дух еще дерзал
Во имя гнева дальние походы,
Корабль отшельников – так повествуют оды –
К Святому Городу однажды отплывал.
Сверкал лучистый крест на пышных парусах,
И не было числа хоругвям золоченым,
и волны быстрые в серебряных венцах
Стремилась чередой за кораблем священным.
Внезапно яркий свет блеснул в надводной тьме,
И корабельщики упали на колени:
там в шлеме солнечном и спешном опереньи
Стояла Богоматерь на корме.

«Южный огонек» № 2, 1918

Святой Николай

Где чудеса на синем море
Цветут – не Твой ли светлый лик,
Среброволосый Чудотворец,
В тумане водит корабли?

Когда застынет над водой
Луны печальная икона,
Не Ты ли волн текучих склоны
Смиряешь тихой рукой?

В седом евангельском просторе
Разбросаны Твои суда.
Но над звенящей зыбью моря
Кочует древняя звезда.

Она плывет в разрывах тучи –
Старинный знак морским волхвам, –
И волнами ковчег скрипучий
К родным выносит берегам.

И утром синим и туманным
Рыбачий прозвучит псалом
Тебе, с Господним фонарем
Палящему над океаном.

«Южный огонек» № 5, 1918

Леонид Нежданов

Великий Немой

Как всегда – четыре части
(Бег недремлющей мечты).
«Рок». «Порок». «Ушел от счастья».
А в «конце»: «Любви цветы».
Перелеты, снова драма.
Снов и видов длинный ряд:
Берега широкой Камы,
Альп сверкающий наряд...

Безучастный звук рояля.
Зачарованный экран,
Где сплелись в туманной дали
Правда, шутка и обман.
Забываешь силу слова
В беге сказочной мечты...
От «Великого Немого»
Веет тайной Красоты...

«Театр и кино» № 8, 27 (14) июля 1917

После бала

Посвящ. Г. М.

В предрассветных обманах бесшумно моторы
Ускользают, как тени, в небесной дали.
Неуверенны клятвы, изменчивы взоры,
И от губ опьяняющий запах «Шабли».
С Ваших пальцев летят лепестки туберозы,
В них погасли огни недопитой мечты...
А в глазах Ваших круглых расплесканы грозы
И тупая, щемящая боль суеты.
Занавесив в себе предрассветные думы,
Наклоняюсь к руке и целую кольцо.
Ночь не кончилась. Дреmlют докучные шумы.
Мы – ночные. Дай плечи! Лицо!
Но усталые руки не просят объятий.
Мы – чужие – встречали в заученный день.
Нет ни жалоб, ни слез, ни угасших заклятий.
.....
Одиночество... Скука... И лень!..

«Фигаро» № 4, 1918

Александр Соколовский

* * *

Опять возвращены глухие вечера
И красный щит луны, и крепкий чай, и скука.
И то, что нравилось, то все еще вчера –
Сегодня кажется непревзойденной мукой.
И скучны Ливия забытые листки,
Не нравится вино, и дым табачный горек,
И утомительной, отравленной тоски
Не в силах победить излюбленный историк.
Но все же сохранен пленительный уют
Давно забытого, покинутого лона:
Ночные улицы, как встарь, меня зовут,
И ночь глубокая, как прежде, благосклонна.
И вот возвращены, возвращены, как встарь,
Часы излюбленные холостых прогулок,
И страстная луна наводит свой фонарь
На губы юноши, чей шаг ленив и гулок...

«Южный огонек» № 8, 1918

Лев Файнберг

Сонет

Как остров, брошенный меж четырех морей:
С высот кавказских круч до царства вечной вьюги –
Простерлась ты, как Сфинкс в чешуйчатой кольчуге,
О Русь, могучая по прихоти царей!..

Ударил красный шквал – и род богатырей
Восстал, как Муромец – могучий и упругий –

В кровавые мечи перековавший плуги
И в пламень мстительный – огниво алтарей.

И рухнул старый мир... Как дикий рой зверей,
Над пажитью сцепилась свора злая...
Распятый на Кресте, в объятьях палачей –
Твой вечный дух, о Русь, вещал нам, умирая:

Как Феникс царственный, залог грядущих дней,
Ты возродишься вновь, распятая, святая!..

«Жизнь» № 28, декабрь 1918

Зинаида Шишова

Карта Атлантики

Я помню, мы в детстве с тобою склонялись над этим листом,
Наш путь был отмечен пунктиром, а гавани – красным крестом,
Эахо, Табаско, Чиэпес – и много таинственных стран,
И много таинственных знаков готовил для нас океан.
Мы, помню, пропахшие краской, любили спускаться в камбуз,
Любили следить под водою движенья гигантских медуз...
Мы видели в узком проливе остатки старинных галер,
А после мне ночью приснился в смешном парике кавалер,
Как он, окруженный врагами, в порыве бессильной тоски,
Швырнул свои судна на скалы движением узкой руки.
Мы много видали с тобою, мой маленький, глупенький брат,
И после таких приключений так скучно вернуться назад,
И в чинной огромной столовой со старшей сестрой и отцом
Сидеть над немецким спряженьем с усталым потухшим лицом.

«Южный огонек» № 5, 2 (20) мая 1918

Spleen

Радикальное средство от скуки
Ваш мотор – небольшой landanlet...
Я люблю Ваши смуглые руки
На эмалевом белом руле.
Ваших губ утомленные складки
И узоры спокойных ресниц...
– Ах, скажите, ну разве не сладко
Быть как мы, быть похожим на птиц.
Я от шляпы из старого фетра
Отколю мой застенчивый газ...
Как-то душно от солнца, от ветра
И от ваших настойчивых глаз.
Ваши узкие смуглые руки,
Профиль Ваш, отраженный в стекле...
Радикальное средство от скуки
Ваш мотор – небольшой landanlet...

Альбом Долинова (ОР РНБ, ф. 260, ед. хр. 2, л. 10)

Примечания

- ¹ Александров Р. Прогулки по литературной Одессе. – Одесса, 1993, с. 104.
- ² Интимный вечер // Огонек. – Одесса, 1918. № 23, 1 февраля, с. 4.
- ³ Spectator. Консерватория: интимный вечер молодых поэтов // Одесские новости. 1918, 5 февраля.
- ⁴ В-рь. Зал консерватории: «первый интимный вечер» // Блокнот Г. Долинова.
- ⁵ Долинов Г. Литературный путь Юрия Олеши. ОР РНБ, ф. 260, ед. хр. 11.
Цит по: В лабиринтах романа-загадки, с. 138.
- ⁶ Долинов Г. «Зеленая лампа» / Одесский вестник. – 1994, № 166, 4 ноября, с. 5
- ⁷ Бобович Б. Натура Юрия Олеши... / Воспоминания о Юрии Олеше. – М., 1975, с. 25.
- ⁸ Долинов Г. «Зеленая лампа», с. 5.
- ⁹ Ершов П. Одесская литературная колыбель: Страницы воспоминаний // Опыты. – Нью-Йорк, 1957. Кн. 8, с. 96-97. Цит. по: А. Устинов. Из истории лите-

ратурной жизни Одессы конца 1910-х годов / В.Я.Брюсов и русский модернизм: Сборник статей. – М, 2004, с. 253.

¹⁰ Там же.

¹¹ Долинов Г. «Зеленая лампа», с. 5.

¹² Бондарин С. Зеленая лампа. Рукопись, ОЛМ.

¹³ Биск А. Одесская литературка // Дом князя Гагарина... Вып. 1. – О., 1997, с. 149.

¹⁴ Спектатор. Зал консерватории: Зеленая лампа // Одесские новости. – 1918, 20 (7) марта, с. 4.

¹⁵ Яблочко. – Одесса, 1918. № 1, апрель, с. 1.

¹⁶ Там же.

¹⁷ К. Р. Одесситы в Балте (от нашего корреспондента) // Мельпомена. – Одесса, 1918, № 8, 12 мая, с. 17.

¹⁸ Южный огонек. – 1918, № 5, 20 мая, с. 16.

¹⁹ Вернулись с поэзо-концертного турне... // Мельпомена. – Одесса, 1918, № 11, 22 июня, с. 13-14. В елисаветградской газете «Голос юга» была помещена развернутая рецензия Н. П. «Поэзо-концерт» // Блокнот Г. Долинова, ОЛМ.

²⁰ Фигаро. – Одесса, 1918, № 5, 23 июня (6 июля).

²¹ Театральный день – Одесса, 1918. – № 50-51, 24 (7) – 25 (8) июля.

²² Долинов Г. Встречи с Эдуардом Багрицким: Одесса 1917-1920 гг. Машинопись [ок. 1947]. ОЛМ. Р-224, с. 8-9.

²³ Письмо З. Шишовой Е. Голубовскому 24 марта 1965.

²⁴ Календарь писателя // Перо в спину. – 1919, № 7, с. 3.

²⁵ Як. П. [Яков Полонский]. «Зеленая лампа» // Вечерний час. – Одесса, 1919, № 54, 29 (16) марта, с. 4.

²⁶ Календарь писателя // Перо в спину. – 1919, № 6, с. 4.

²⁷ Соминский Э. Рожденные бурей (воспоминания одессита) / Где обрывается Россия: Художественно-документальное повествование о событиях в Одессе в 1918-1920 гг. – О., 2002, с. 191.

²⁸ Календарь писателя // Перо в спину. – 1919, № 7, с. 4.

²⁹ Шенгели Г. Встреча с Багрицким: Мемуары // Вечерняя Одесса. – 1973, 19 июля, с. 3.

